Севиндж Габиб гызы Фаталиева
Бакинский славянский университет,
г. Баку, Азербайджан

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ

Статья посвящена концептуальной системе литературных памятников, представляющих собой героические сказания. По мнению автора, в текстах таких памятников каждое слово нагружено особым смыслом, даже если обычность денотата не позволяет читателю или слушателю воспринимать его как особый знак. Каждое слово здесь представляет особый концепт или систему представлений о том или ином факте действительности, имеющем важное значение для этноса и, таким образом, занимающем особое место в структуре этнического сознания. Помимо этого, в текстах героических эпосов используются слова-знаки, представляющие фундаментальные концепты, т.е. такие концепты, которые определяли характер жизнедеятельности этносов. Изучение языка героических эпосов должно включать в себя выявление и систематизацию такого рода фундаментальных концептов с последующим определением релевантного для этнического сознания состава когнитивных признаков.

The article deals with the conceptual system of literary monuments representing heroic tales. According to the author, in the texts of such monuments every word is loaded with a special meaning, even if the usual denotation does not allow the reader or listener to perceive it as a special sign. Each word here represents a special concept or system of ideas about a particular fact of reality that is important for the ethnos and, thus, occupies a special place in the structure of ethnic consciousness. In addition, words-signs representing fundamental concepts are used in the texts of heroic epics; such concepts that determine the nature of the life of ethnic groups. The study of the language of heroic epics should include the identification and systematization of such fundamental concepts with the subsequent definition of the composition of cognitive signs relevant for the ethnic consciousness.

Естественные языки, согласно системно-структурному взгляду на природу семиотических систем, подразумевают уровневое деление. Мысль о том, что знак в системе языка, как собственно и в речевом потоке, представлен по трем параметрам, уже наталкивает на образ уровня. Знаки в языке носят виртуальный характер, однако даже, будучи виртуальными, они характеризуются формой, содержанием и функцией. Система языка как такового означает, что по форме, содержанию и функции совпадает определенное множество знаков, которые в свою очередь по тем же трем

параметрам отличаются от других знаков, которые в свою очередь совпадают между собой. Совпадение определенного количества знаков по трем фундаментальным онтологическим параметрам при столь же существенном их отличии от других «количеств» самым очевидным образом свидетельствует об уровневом характере языка. Конечно, уровень характеризует структуру языка, поэтому само понятие уровня появляется в системно-структурном дискурсе современного языкознания. Иными словами, исходным является принцип структуры. При этом должно быть ясно, что термин *уровень* достаточно абстрактен. Суть в том, что единицы языка могут совпадать по своим основным признакам и отличаться от других единиц. Именно это имел в виду Ф. де Соссюр, когда говорил о том, что в языке нет ничего, кроме сходств и различий.

Представления об уровнях языка непосредственно связывают его с речью, дискурсом, текстом. Как известно, исследователи говорят о дискретности языка, что полностью опирается на анализ текста. Дискретен текст, и эта особенность текста переносится на язык. Именно в тексте выделяются сложные синтаксические целые, предложения, словосочетания, фразеологизмы, слова, морфемы, буквы и звуки. Текст членится, он членим в принципе, что экстраполируется на язык как семиотическую систему. В языке выделяются уровни знаков, поскольку они выделяются в тексте.

На наш взгляд, формальная дискретность текста позволяет говорить о содержательной дискретности. Нас в первую очередь интересует концептуальная область текста, следовательно, мы можем говорить о концептуальной дискретности текста. Разумеется, следует иметь в виду, что «текст» представляет собой абстрактное понятие, т.е. тексты существенным образом отличаются друг от друга с точки зрения содержания. Дискретен любой текст, но с точки зрения представленности концептосферы следует говорить о текстах-дискурсах, представляющих жизнь в ее системности и динамике. Именно таким текстом представляется текст памятника письменности, текст героического эпоса, широкого полотна о жизни. Мы

исходим из того, что в памятниках представлены концептуальные миры, адекватно покрывающие знания этноса о мире. Иными словами, в «Китаби Деде Коркуд» представлена картина мира, характеризующая ментальность древних тюрок. Точно так же в «Нибелунгах» посажена картина мира древних германцев.

Анализ семантической структуры текстов памятников показывает, что важнейшую роль в них играет гипербола. Всё, о чем поется, что воспевается, представлено в преувеличенных тонах. На первый взгляд это обстоятельство легко поддается объяснению. Преувеличение описываемого можно связать со сказочными мотивами вообще. В этом случае мы находим общее между сказками народов мира и героическими памятниками, поскольку и в том и в другом случае можно говорить об элементе фантастики. Если даже это справедливо, все равно необходимо дифференцировать конкретику гиперболы в сказках и памятниках. В сказках элемент фантастики представляется как необходимая составляющая структуры содержания. Более того, фантастика неотделима от содержания, от фабулы рассказа. В памятниках элемент фантастики является приемом раскрытия содержания, которое само по себе не является фантастическим. Другое дело сказка, в которой фантастика не прием, а факт структуры, органически вписывающийся в содержание. Например, феи, колдуны, конек-горбунок, золотая рыбка, исполняющая желания, кот в сапогах, животные-музыканты в «Бременских музыкантах» и бесчисленное множество других фантастических участников сказочного сюжета.

В героических памятниках, на наш взгляд, наблюдается другое. В соответствии с логикой героического здесь проявляется максимально возможная экспрессия при описании самого обыденного и обычного явления или события. Конечно, элементы фантастики встречаются и в героических памятниках, но это именно элементы фантастики, в отличие от фантастических явлений в сказках. В свое время Э. Я. Голосовкер говорил о логике мифа, стимулирующей доведение некоторой потенции до максимально возможного и невозможного предела в мифе [1, с. 12]. В этом ученый видел не просто

присутствующий в мифологическом повествовании факт, а логически закономерный факт. Например, животным и человеку присуща такая способность, как зрение. Мифологическое сознание доводит эту способность до крайнего предела. В мифах существуют персонажи, которые видят прошлое, или будущее, видят, что под землей, то, что за облаками, у них глаза на затылке, они способны видеть мысли окружающих, видеть на большом расстоянии, сквозь стену. Таким образом, им подвластно любое видение и таким образом миф доводит зрение до логически возможного предела, для мифологических персонажей не существует невозможного в зрении, нет ничего такого, чего они не могли бы видеть. В этом и заключается логика мифа.

На наш взгляд, такая же закономерность проявляется в памятниках. Это обстоятельство сближает героический эпос или сказание с мифами. Однако между мифом и сказанием прослеживается и существенное отличие в указанном отношении. Оно состоит в том, что в мифах логика развития обычного явления доводится до фантастического предела. В героическом сказании таким образом поддерживается высокий уровень экспрессии, гипербола здесь прием изображения события. Необходимо отметить, что данный прием в пространстве памятника играет одновременно семантическую и стилистическую функцию, между которыми нет демаркационной линии. В структуре текста эти две функции органически связаны. Любое преувеличение преследует цель адекватного восприятия аудиторией текста. Расширение объема информации относится к сфере семантики, поскольку широкий или расширенный объем несет в себе иное количество и таким образом иное качество информации. Одновременно такое увеличение ориентировано на качественно другое, эмоциональное, оценочное и, следовательно, максимально экспрессивное восприятие, что должно расцениваться как стилистическое оформление.

Анализ языка памятников свидетельствует также о том, что гиперболизация затрагивает в основном содержание фундаментальных концептов. Следовательно, предварительный анализ должен вестись в

направлении выявления и систематизации таких концептов. Само понятие фундаментального концепта также предполагает определение. В принципе всё, о чем говорится в тексте, есть не что иное, как вербализация того или иного концепта. Это положение достаточно легко объясняется. Дело в том, что памятник литературы или памятник письменности представляет собой нарратив. Под нарративом мы понимаем определенный текст, который воспроизводится традиционно в пространстве той или иной культуры [2, с. 115]. Он не просто понятен слушателям, но он в принципе знаком им. Скажем, таковы азербайджанские дастаны, которые на протяжении столетий воспроизводятся ашигами. Слушателям, народной массе, они хорошо знакомы, нередко аудитория знает текст наизусть, подчас она подпевает сказителю. Поэтому сказитель не просто воспроизводит текст, а импровизирует. Более того, именно в импровизации раскрывается суть его мастерства. Таким образом, любое слово текста не является обычным знаком, скрепляющим его в единое целое. Любое слово в тексте памятника является вербализатором, выводящим концепт на поверхностный уровень. Можно использовать традиционную лингвистическую терминологию и говорить о том, что слово-знак в структуре текста памятника есть своего рода средство экспликации смысла, представленного на имплицитном уровне. На самом деле у аудитории, или у ее части, могут быть достаточно смутные представления о содержании тех концептов, к которым обращается нарратор. В этом смысле любое расширение диапазона экспликации направлено на вербализацию концепта. Причем вербализация непосредственно связана с умением и мастерством сказителя. Таким образом, все знаки в структуре текста памятника представляют собой средства вербализации концептов. Иными словами, за каждым из знаков стоит важный для этнического сознания концепт. Важность концепта определяется двумя факторами. Во-первых, он обладает большой ценностью для всего этнического коллектива, для каждого его члены и, следовательно, для этнического сознания. Например, «золото». Когда сказитель говорит о золоте, о его количестве, о богатстве, он закономерным образом

сталкивается не просто с пониманием, но с сочувствием аудитории. Во-вторых, все эти знаки понятны на подсознательном уровне. Используя психологическую терминологию, можно сказать, что в сознании каждого члена этно-культурного коллектива существует гештальт, ответственный за восприятие. Таким образом, нарратив рассчитан на понимание. Сказитель уверен в понимании и адекватном восприятии. Коллективное сознание, объединяющее аудиторию, характеризует и певца, ашига, сказителя. Воспроизводится текст, в воспроизведении которого в принципе нет необходимости. В информативном отношении он ничего в себе не несет. Информационные инновации связаны исключительно с экспрессией конкретного исполнения. Экспрессия индивидуальна, она составляет суть конкретного представления, которое как будто бы раскрывает новые стороны изображаемого. На самом деле содержание текста не меняется, меняется отношение к нему и видение. Сказитель как бы сообщает аудитории новое видение события, что и составляет новизну. Только поэтому столь редко встречаются подлинные сказители, а в иных культурах тип сказителя просто вымирает.

Всё сказанное позволяет понять характер и содержание экспрессии памятника. В конечном счете она направлена на достижение максимального уровня эффективности высказывания. Вот почему ни одна экспрессивная деталь не должна оцениваться как пустая или формальная, как некоторое украшение текста. Экспрессия в тексте памятника преследует цель повышения уровня восприятия, адекватности восприятия, следовательно, она всецело подчиняется решению коммуникативных задач. Таким образом, мы исходим из того, что в тексте героического эпоса или героического сказания каждый знак является представителем концепта, т.е. системы представлений о факте действительности, характеризующей этнический менталитет. Наряду с этим, в тексте обычно представлены средства вербализации фундаментальных концептов, т.е. таких концептов, которые имеют исключительное значение для жизни. Можно провести параллель с Библией. В тексте Священного Писания

также каждое слово является представителем определенного концепта, однако в Библии представлены слова и выражения, вербализирующие фундаментальные концепты. Например, информационное содержание текста Евангелия от Матфея сводимо к фундаментальным концептам, таким как *свет, тьма, крещение, милосердие, прощение, смирение, крест, кротость, мир, любовь, нищета*. За этими словами стоит система концептов, каждый из которых требует раскрытия. Системность проявляется в том, что эти концепты взаимосвязаны. Евангелие представляет собой прекрасную и высокодуховную книгу, но раскрытие сути этих концептов составило бы книгу глубокого философского содержания, значительно большую, чем само Евангелие.

Точно так же в текстах героических эпосов представлены знаки фундаментальных концептов, к которым в принципе сводимо содержание памятника. На наш взгляд, в «Песни о Нибелунгах» к таким концептам можно отнести «любовь», «сила», «власть», «богатство», «клад», «плач», «герой», «пир», «меч». Можно провести еще одну параллель с Евангелием. В языках народов мира существует немало фразеологических единиц, пословиц и поговорок, восходящих к Библии и в частности к Евангелиям. Христос говорил притчами, что, на наш взгляд, также имело коммуникативную значимость, преследовало коммуникативный эффект. Эта особенность Священного Писания может быть экстраполирована на любой фундаментальный текст. Притчи, пословицы и поговорки также представляют на концептуальном уровне содержание текста, отражают своеобразное видение и понимание мира. Например, в «Нибелунгах» они часто представляют завершающую интерпретацию события. Трагическую смерть Кримхильды автор заключает словами «Жену владыки гуннов он надвое рассек. Кто обречен был смерти, тот смерти не избег» [3, с. 274]. Или: «Стал поминальной тризной веселый, пышный пир. За радость испокон веков страданьем платит мир» [3, с. 274]. Или: «Блюдет запреты тот, кому их малодушье нарушить не дает» [3, с. 262]. Или: «Где вспыхнул бой, там гнев уже не обуздать уму» [3, с. 227]. То же наблюдается в «Китаби Деде-Коркуд», где концептуальное содержание

представлено как на уровне знаков, так и на уровне максим, аккумулирующих гносеологические модели, своеобразие понимания мира и сути происходящих событий. В приведенных из «Нибелунгов» высказываниях отражено понимание жизненных приоритетов. Фраза о том, что только малодушие не позволяет нарушить запреты, носит очевидный пассионарный характер. Вспомним широко известную мысль Л. Н. Гумилева о том, что пассионарии честь ставят выше жизни.

Таким образом, эпические сказания о жизни героев и богатырей не просто песни, воспевающие прошлое. Они, как нам представляется, отражают понимание жизни, ее приоритетов, систему оценок, вполне реалистически представляющую ментальность народов, создавших эти памятники, картину их психики. Следовательно, изучение языка и стиля памятников должно начинаться с выявления и систематизации фундаментальных концептов, составляющих структуру их содержания. Лингво-когнитивный анализ языка памятников необходимо продолжить в направлении выявления тех когнитивных признаков, которые составляют содержание концепта. То есть именно то содержание, которое релевантно для данного этноса.

Литература

1. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987.

2. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М.: Логос, 2000.

3. Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972.